

УДК 81'255+81'42

DOI: 10.37482/2687-1505-V207

МИШКУРОВ Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 14 учебников и 5 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5879-3515>

НОВИКОВА Марина Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия (Москва). Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>

АПОРИЯ «ПЕРЕВОДИМОСТИ–НЕПЕРЕВОДИМОСТИ» КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫХ ИГР В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

В статье в рамках когнитивно-герменевтического подхода к реализации современных теоретико-методологических переводческих стратегий и тактик предлагается снятие остроты многовекового противостояния адептов и антагонистов теории непереводимости. Осознание лингвоакадемической природы дихотомии «переводимость–непереводимость», заключающейся в отсутствии соответствующего лингвокультурного феномена в принимающем языке, ведет к возможному снятию обозначенной антиномии путем двуединого кооперативного переложения исходного текста на язык перевода на дискурсивно-коммуникативном уровне. Понятие «переводимость» сопрягается с использованием «закономерных переводческих соответствий» – «собственно перевода», тогда как «непереводимость» преодолевается при помощи «квазиперевода» в виде дискурсивно-манипулятивных игр. Последние рефлексировываются как «вольное» коммуникативное перевыражение контента оригинала на целевой язык посредством переводческих манипуляций, воспринимаемых в качестве коннотативно-положительного феномена, основанного на когнитивно-герменевтической переводческой методологии. В современной переводческой трактовке перевод манифестируется как чередование и сочетание собственно-переводческих и манипулятивно-игровых средств с целью обеспечения адекватного уподобления контента исходного текста средствами языка перевода с оптимальным учетом лингвистических и экстралингвистических параметров оригинала. Основой для преодоления «непереводимостей» и верификации принятых переводческих решений является трансдисциплинарный подход к процедуре порождения целевого текста на дискурсивно-коммуникативной основе, отчуждаемого потенциальным реципиентом. Переводческие дискурсивно-манипулятивные игры не должны искажать смысловые и стилистические параметры ори-

*Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

**Адрес: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

Для цитирования: Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Апория «переводимости–непереводимости» как объект дискурсивно-манипулятивных игр в современной теории и методологии перевода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 60–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V207

гинала даже в тех случаях, когда «трудно или невозможно найти концепт, который был бы близок имеющему место в исходной культуре». Их основная задача – превратить перевод из искусства невозможного в искусство взаимосогласия между культурами контактирующей пары языков.

Ключевые слова: «переводимость–непереводимость», собственно перевод, закономерные переводческие соответствия, квазиперевод, дискурсивно-манипулятивные игры, трансдисциплинарность, переводоведческий дискурс.

Translation is the art of failure
(Перевод – это искусство безнадёжного)
Умберто Эко

Введение

Многовековой спор о трактовке апории «переводимость–непереводимость» многоголосен – участие в нем принимают практикующие переводчики, профессиональные переводоведы, а также представители различных социально-гуманитарных наук, столкнувшиеся прямо или косвенно с данной проблемой в ходе своей основной профессионально-творческой деятельности. В их числе философы, литературоведы, писатели, поэты, этнографы, богословы, юристы и др. Все участники дискуссии полемически заостренно и с разной степенью адекватности аргументации отстаивают свой *profession de foi*, суть которого в конечном итоге сводится к приемлемости/неприемлемости взаимосвязи или взаимоисключения следующих контрконцепций:

- *непереводимости*, обусловленной полной или частичной неподатливостью исходного текста (ИТ) его переложению на целевой язык (ЦЯ), вызванной этнопсихолингвистическими отличиями языковой картины мира его носителей, некорректирующей с когнитивно-коммуникативной рефлексией носителей языка перевода (ЯП);

- *целокупной переводимости*, достигаемой в конечном итоге дискурсивным предметно-ментальным сближением контекстов исходном языке (ИЯ) и ЯП путем искусно-манипулятивного «навязывания» переводчиком лингвистика автора оригинала реципиенту или наоборот – модификации языка автора в интересах лингвистической нормы языка реципиента;

- *частичной переводимости*, обусловленной развивающимися глобальными процессами когнитивно-коммуникативного сближения разноразных этносов и, как следствие, частичной *эсперантизации языков мира*.

Проблема непереводимости – это своеобразная «энigma», т. е. когнитивно-коммуникативная загадка, тайна, о которой большинство современных теоретиков и практиков перевода вроде бы уже все знают, понимают ее сущность и владеют методологией ее преодоления в ходе межъязыкового посредничества в различных комбинациях на 7 тысячах языков, зафиксированных в глобальном мировом языковом пространстве, но всеобщего согласия в ученой среде до сих пор нет.

От принятия антиномии «переводимость–непереводимость» как неотъемлемой части современного переводоведения, от осознания коррелятивной соотнесенности понятий «закономерные переводческие соответствия» – «незакономерные переводческие соответствия – квазиперевод» во многом зависит выбор способов и приемов преодоления конфронтации между сторонниками и противниками в оценке адекватности/неадекватности явленного реципиенту перевода на ЦЯ.

Введение в научный оборот современных терминов, как то: «переводческий дискурс», «переводной дискурс», «переводоведческий дискурс» и т. д., и их трактовка на базе новых фило-софско-герменевтических пропозиций, опирающихся, в частности, на теорию и практику «языковых/дискурсивных игр», «фрейм-анализа» на базовые когнитивные категории дискурса и др., открывает новые горизонты в истолковании сущности переводческого процесса, основывающегося на когнитивно-коммуникативной, линг-

вокультурной, логической, социально и ситуативно обусловленной переводческой рефлексии.

Основная часть

В свете такой постановки вопроса обратимся, в частности, к монографии Н.В. Тимко «Фактор "культура" в переводе», в которой рассматриваются три наиболее дискутируемые вида перевода – соответственно «вольный», «буквальный» и так называемый «собственно перевод» художественных произведений.

В своем критическом резюме автор, комплексно характеризуя указанные виды перевода, констатирует: «Необходимо разграничивать внутривидовые варианты *собственно перевода* с разными степенями культурнопрагматической адаптации и *извращенные* виды перевода – *буквальный* и *вольный* (здесь и выше курсив наш. – Э.М., М.Н.), которые не являются собственно переводом, потому что не отвечают его общественному предназначению» [1, с. 74, 75, 77, 81].

Не ставя под сомнение позицию Н.В. Тимко относительно художественного перевода, о способах и приемах которого существует множество разноаргументативных мнений, отметим, что столь критическое восприятие дословного и вольного перевода излишне категорично в отношении **всех** ИТ. В нашей трактовке полагаем, что речь идет об избыточной, по мнению автора, *доместикации* при вольном переводе и, соответственно, *форенизации* при дословном переводе. Отметим, что выбор переводческой стратегии зависит, как правило, от текстотипа и жанра оригинала. Так, например, для перевода научно-технических текстов, характеризующихся клишированным языком и обилием формул, использование буквального перевода является предпочтительным.

Солидаризируясь с Н.В. Тимко по поводу необходимости выделения понятия «собственно перевод», приведем наше видение дефиниционного наполнения данного термина.

«Собственно перевод» – это сложная когнитивно-коммуникативная деятельность в условиях дву- или полиязычной ситуации, сущностной характеристикой которой является передача когнитивно-экспрессивной ценности текста на ИЯ

согласно его коммуникативной цели и законам линейного развертывания мысли средствами ЯП при помощи *закономерных переводческих соответствий*.

Закономерные переводческие соответствия – это устоявшиеся варианты перевода отрезка иноязычного текста, зафиксированные в словаре и устойчиво воспроизводимые в определенных контекстах. Вслед за Я.И. Рецкером (1897–1984) полагаем, что «сопоставление фрагментов рабочей пары языков должно быть комплексным, при этом за единицу перевода необходимо принимать не отдельную лексему или грамматическую конструкцию, а структурно-семантический “узел”, составляющий единое понятийное целое» [2, с. 11].

Количество закономерных переводческих соответствий в различных языках многообразно, но исчерпаемо. Расхождений между ИЯ и ЯП великое множество. Отсутствие зафиксированного переводческого соответствия означает **непереводимость**.

В качестве примера оптимально комплексного подхода к переводу иноязычных «непереводимостей» рассмотрим следующий пассаж из произведения С. Моэма «Дождь»: *Men and women wore the lava-lava* (Rain) [3, с. 158].

Для адекватного перевода выделенного элемента предложения необходимо знать, что «лава-лава» – это традиционная набедренная повязка или юбочка у туземцев-полинезийцев. В существующих переводах нужное объяснение отсутствует: *И мужчины, и женщины были в лава-лава* (Дождь) [4, с. 99; 5, с. 58].

Исходя из того, что выделенная лексема «не имеет прямого соответствия в русском языке и ее значение нельзя вывести из контекста, поскольку оно является элементом культуры туземцев, целесообразно снабдить имеющуюся транслитерацию соответствующим переводческим комментарием: «*И мужчины, и женщины были в традиционной набедренной повязке лава-лава*».

Подобные способы и приемы перевода трактуются нами как «дискурсивно-манипулятивные игры», речь о которых пойдет ниже.

Вначале напомним, что австро-английский философ Л. Витгенштейн (1889–1951) разработал теорию «языковых игр», увязывающую речевой акт и соответствующую форму жизни: например, «выдвигать и проверять гипотезу», «переводить с одного языка на другой» и др. [6; 7, с. 30–31].

В понятийном двуединстве феномена «языковая игра» тесно увязываются искомая форма речевой деятельности с соответствующей «формой жизни», воплощающей ее социокультурный статус и отражающей «факт взаимопереплетения лингвистической и нелингвистической активности людей» [8, с. 938]. Этот факт также отмечает Н.Д. Арутюнова (1923–2018) – автор широко известной статьи «Дискурс» в Лингвистическом энциклопедическом словаре, в которой констатирует, что «Д. – это речь, "погруженная в жизнь"». А в статье «Лингвистическая философия» она напоминает, что Витгенштейн «рассматривал речь как компонент целенаправленной и регламентированной деятельности человека <...> Каждая "языковая игра" как законченная система коммуникации отвечает некоторой "форме жизни"» [9; 10, с. 137, 269]. Очевидно, что с позиций современной теории коммуникации «языковые игры» Витгенштейна следует трактовать как «дискурсивные игры» [11].

Последние в переводоведении означают возможность значительных свобод переводотворчества на уровне вольного коммуникативного перевыражения контента ИТ на язык реципиента в тех случаях, когда переводчик сталкивается с феноменом «непереводимости» оригинала в целом или отдельных его частей. Не оперируя антиномией «переводимость–непереводимость» и фактически констатируя манипулятивный характер переводческих действий в случае квазиперевода, В.И. Хайруллин в своей книге «Перевод и фреймы» описывает данную ситуацию в виде фреймово-лингвокультурологического анализа ряда англо-русских переводов в следующей формулировке: «При передаче культуральных факторов в переводе текста фреймовые терминалы заполняются теми же элементами, что и в ИТ, либо элементами той культуры, к которой принадлежит реципиент

перевода. Во втором случае из культурного фонда для заполнения терминала выбираются те элементы, которые ближе всего находятся к элементам, указанным во фрейме ИТ, т. е. в сознании реципиента перевода они имеют минимальную культуральную дистанцированность <...> Значительно сложнее обстоит дело, когда в целевой культуре, на язык которой выполняется перевод, трудно или невозможно найти концепт, близкий имеющему место в исходной культуре, на языке которой создан оригинальный текст (например, англ. *Boxing Day*). Такие случаи могут быть названы фреймами с нулевым соответствием» [12, с. 14–15].

Очевидно, что в последнем описанном случае возникает необходимость в переводческих манипулятивных играх, о которых существуют различные мнения. С одной стороны, находим шутливо-ироническое отношение к переводчикам в устах Жака Деррида (1930–2004): «Переводчики – они везде. Каждый говорит на своем языке, даже немного зная чужой. Лукавства переводчику не занимать, и свой интерес он помнит» [13, с. 5]. А с другой, по мнению П.П. Дашинимасовой и ее учеников, в понятие «манипуляция» в переводе «не вкладывается негативно-оценочный смысл» [14, с. 66].

В наших разысканиях мы также придерживаемся коннотативно-положительной трактовки рабочего определения термина «манипуляция» в переводе, используемого в стратегиях и тактиках «дискурсивных манипулятивно-переводческих игр».

Как известно, в зарубежном языкознании в 70-х годах XX века «праматерью» данного направления в переводоведении стала «Манипулятивная школа перевода» (*Manipulation School*) в Нидерландах.

Ее яркий представитель Т. Херманс убеждает читателя, что «с точки зрения литературы принимающей культуры, перевод всегда предполагает некоторое манипулирование ИТ для достижения определенной цели» («From the point of view of the target literature, all translation implies a degree of manipulation of the source text for a certain purpose») [15, с. 11].

Исследуя основополагающие принципы работы данной школы, известный австрийский переводовед Эрих Прунч констатирует, что одной из основных задач в программе данной школы является формирование стратегии и тактики перевода художественных произведений, базирующихся на возможности и необходимости применения манипулятивных стратегий и тактик там, где они, разумеется, уместны [16, с. 258].

В свою очередь А.Ф. Фефелов, описывая деятельность подобной манипулятивной школы перевода, обращает внимание на следующие ее теоретико-методологические принципы:

- наличие разоблачительного пафоса, направленного против неверности перевода и его виновника – переводчика, у представителей теории перевода;
- перевод – это всегда манипулирование, а переводчик – манипулятор;
- манипуляция может быть *осознанная* и *неосознанная*, идентично передающая «некоммуникативные смыслы» ИТ, релевантные в конечном итоге для реципиента;
- апория переводимости – непереводимости устраняется из «собственно переводческой» деятельности и акцентируется на этических постулатах транслята и прагматических задачах переводческой политики;
- согласно регламенту школы, не исключается вмешательство переводчика, редактора, издателя и заказчиков перевода в текст оригинала;
- школа не отделяет «собственно переводческое» манипулирование от иных видов и форм влияния социума на адресата, что обусловливается принципами антропологического поворота в изучении речевой коммуникации.

Со своей стороны А.Ф. Фефелов констатирует, что некоторые теоретические положения манипулятивной школы, обусловленные несоизмерным преувеличением интерпретационных и технологических амбиций переводчика в переложении авторского текста, ведут к возможному распространению «чужеродной информации» через текст перевода [17, с. 42–71].

В нашем толковании манипуляция в переводе – это использование не «собственно»

переводческих, а когнитивно-герменевтических средств для передачи содержания неперево-димых фрагментов иноязычного текста «незаметно» для реципиента с целью обеспечения непрерывного однородного восприятия текста перевода. В переводческой деятельности происходит постоянное чередование использования закономерных переводческих соответствий и интерпретации сложных для перевода текстовых отрезков, т. е. *переводчик маскирует своеобразный «обход» (объяснение) «непереводимого» места под «собственно» перевод* при помощи семантико-риторических средств, как-то транскрипция, транслитерация, опущение, переводческий комментарий и т. п. Данные манипуляции, по нашему мнению, являются «квазипереводом». Таким образом переводчик вступает в «языковую игру» с реципиентом.

«Переводческая игра» на языковом уровне – необходимое и достаточное условие для реализации потенциала закономерных переводческих соответствий. Уровень дискурса необходим для подтверждения правильности принятого решения, для осуществления интерпретации неперево-димого, ибо понятие дискурсивной игры гораздо более широкое, включающее в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические параметры, поскольку дискурс – суть актуализация коммуникативности всего ИТ в сознании переводчика, с активным вовлечением исторических, культурных, психологических и т.п. обстоятельств, непосредственно и опосредованно связанных с созданием текста оригинала.

Для иллюстрации высказанного положения рассмотрим известный пример из книги советской переводчицы Н. Галь (1912–1991) «Слово живое и мертвое».

В одном романе герой произносит следующую фразу: *I don't believe in segregating the sexes. Anachronistic.*

На уровне языковой игры данное предложение, казалось бы, возможно перевести при помощи закономерных переводческих соответствий, что и было сделано переводчиком с опущением элемента «the sexes»: *Я не сторонник сегрегации. Анахронизм.*

Однако нежелание переводчика «подняться» на дискурсивный уровень, с подключением к процессу перевода сведений экстралингвистического характера для проверки правильности принятого переводческого решения, делает предложение непонятным для реципиента.

В данном случае необходима переводческая манипуляция, основанная на исторических и психологических сведениях, непосредственно связанных с описываемым типом личности героя романа, временем и страной создания оригинала. Место действия романа – Англия, где в соответствии с обычаями «высшего света» после обеда мужчины остаются выкурить сигару, а дамы переходят в уютную гостиную поговорить о своих дамских делах. Маловероятно, что данная традиция известна широкому российскому читателю. Это необходимо учитывать при создании русскоязычной версии произведения, активно используя для этих целей ресурсы квазиперевода, что было блестяще продемонстрировано Норой Галь: *Глупый это обычай, что после обеда дамы уходят. Анахронизм какой-то* [18].

Ю.М. Лотман в феномене «непереводимость» находит источник получения нового лингвокультурологического знания: «Если раньше фундаментальным недостатком перевода, при пересечении двух разных языков, считались коммуникативные трудности, то теперь языковое несоответствие становится базовым механизмом для выработки нового сообщения» [19, с. 28]. Напряжение, возникающее при переложении непереводимого (ученый анализирует интерлингвистические и интерсемиотические переводы), служит источником для новых смыслов: «Именно перевод непереводимого, требующий огромнейшего напряжения, создает предпосылки для взрыва смысла» [19, с. 46]. Языковые различия контактирующих языков ведут, по мнению Лотмана, к взаимному языковому и культурному обогащению: «...чем труднее и неадекватнее перевод одной пересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого

парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности» [20, с. 15].

Данную идею поддерживает французский филолог и философ Барбара Кассен: «Говорить о непереводимости вовсе не означает, что эти слова не могут быть переведены, но что непереводимое это то, что не перестают (не) переводить», каждый случай преодоления «непереводимого» есть «суть источник обогащения, поскольку каждый язык набрасывает на этот мир какую-то новую понятийную сетку» [21, с. 6–7].

Таким образом, квазиперевод при переходе на уровень дискурсивно-манипулятивных игр базируется на широком трансдисциплинарном основании, которое зачастую позволяет нейтрализовать непереводимость.

Данная идея зарождалась достаточно давно – еще в период расцвета лингвистической теории перевода. Так, В.Н. Комиссаров (1924–2005) и А.Д. Швейцер (1923–2002) осознавали, что невозможно осуществить адекватный перевод, используя исключительно лингвистические (языковые) инструменты, – важен также выход в экстралингвистику, «в которой использовались бы методы и понятия ряда наук, но которая не была бы собственно лингвистической дисциплиной» [22, с. 4]. В числе экстралингвистических дисциплин А.Д. Швейцер рассматривал сопоставительное языкознание, психолингвистику, социолингвистику, этнолингвистику, лингвистическую географию. Важным представляется положение ученого о том, что переводоведение как теория, которая ранее представлялась ему как «одна из важнейших отраслей прикладного языкознания», тем не менее не замкнулось «в рамках внутриязыкового формально-структурного анализа, а стало изучать взаимодействие и взаимосвязь языковых и внеязыковых фактов и развивалось в тесном контакте с неязыковыми дисциплинами» [23; 24, с. 6].

На современном этапе средством обеспечения искомого единства в теории, методологии и практике перевода может послужить так называемый дискурсивно-игровой поворот,

органически сочетающий многоаспектные стратегии и тактики «собственно перевода» и «квази-перевода» различных текстотипов и их жанров. «Дискурсивно-игровая парадигма перевода» располагает разноплановым когнитивно-герменевтическим и манипулятивно-коммуникативным инструментарием, с помощью которого переводчики способны эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. Ее воплощением служит современный «переводоведческий дискурс», являющийся собой эпистему как системе специальных трансдисциплинарных знаний, моделирующих и управляющих процессом перевода [25].

Вывод

Таким образом, предлагается теоретико-методологическое и практическое обновление переводоведческого аппарата на трансдисциплинарных основаниях путем актуализации понятия

переводческой манипуляции в ракурсе когнитивно-герменевтической переводческой методологии на дискурсивном уровне. Данный процесс послужит эффективным средством объединения в рамках практики перевода приемов «собственно перевода» в виде закономерных переводческих соответствий и манипулятивных дискурсивно-игровых приемов квазиперевода. Последние собственно и нейтрализуют «отсутствие фрейма с нулевым соответствием» в целевой культуре. Таким образом, целесообразно прийти к консенсусу в решении проблем многовекового противостояния сторонников и противников апории «переводимости–непереводимости», чтобы пессимистическая сентенция У. Эко «Translation is the art of failure» трансформировалась в оптимистическое утверждение «Translation is the art of concordance» («Перевод – искусство взаимосогласия»).

Список литературы

1. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе. Курск: Курск. гос. ун-т. 2-е изд., доп. 2007. 154 с.
2. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. 244 с.
3. Maugham S. Selected Short Stories: сб. на англ. яз. М.: Менеджер, 1996.
4. Моэм С. Сборник рассказов. Серия «Классики XX века» / пер. Ю. Васюткина. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.
5. Моэм С. Не что человеческое: Рассказы. М.: Правда, 1989. 528 с.
6. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen = Philosophical Investigations. Chichester, 2009. 240 p.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 с.
8. Философия: энцикл. слов. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
9. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
10. Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 269–270.
11. Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. Cognitive-hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology: моногр. М.: Флинта, 2020. 300 с.
12. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.
13. Бине Л. Седьмая функция языка: роман / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 536 с.
14. Корнаухова Н.Г. Манипуляция как категориальный признак художественного перевода // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. Вып. 11. С. 65–70.
15. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation / ed. by T. Hermans. London: Groom Helm, 1985. P. 103–135.
16. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
17. Фефелов А.Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 48–72.
18. Что мы понимаем под термином "Хороший перевод" // Инж. перевод. компания «Интент». URL: <http://www.intent93.ru/quality/93/> (дата обращения: 14.12.2021).

19. Lotman Ju. La struttura pensante // Lotman Ju. Cercare la strada. Venezia: Marsilia, 1994. 46 p.
20. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
21. Кассен Б. В защиту непереводаемости. Беседа с Михаэлем Устинофф // Логос. 2011. Вып. 5-6, № 84. С. 4–12.
22. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 167 с.
23. Швейцгер А.Д. Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
24. Швейцгер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
25. Мишкuroв Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2021. Вып. 3. С. 16–32.

References

1. Timko N.V. *Faktor "kul'tura" v perevode* [The Cultural Factor in Translation]. Kursk, 2007. 154 p.
2. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow, 2016. 244 p.
3. Maugham S. *Selected Short Stories*. Moscow, 1996.
4. Maugham S. *Sbornik rasskazov* [Collected Stories]. Rostov-on-Don, 2000. 480 p.
5. Maugham S. *Nechto chelovecheskoe: Rasskazy* [The Human Element: Stories]. Moscow, 1989. 528 p.
6. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen = Philosophical Investigations*. Chichester, 2009. 240 p.
7. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow, 2011. 347 p.
8. *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2006. 1072 p.
9. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 136–137.
10. Arutyunova N.D. Lingvisticheskaya filosofiya [Linguistic Philosophy]. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 269–270.
11. Mishkurov E.N., Novikova M.G. *Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology*. Moscow, 2020. 300 p. (in Russ.).
12. Khayrullin V.I. *Perevod i freymy* [Translation and Frames]. Moscow, 2010. 144 p.
13. Binet L. *La septième fonction du langage*. Paris, 2015. 475 p. (Russ. ed.: Bine L. *Sed'maya funktsiya yazyka*. St. Petersburg, 2019. 536 p.).
14. Kornaukhova N.G. Manipulyatsiya kak kategorial'nyy priznak khudozhestvennogo perevoda [Manipulation as a Category Feature of Literary Translation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 11, pp. 65–70.
15. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation. Hermans T. (ed.). *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation*. London, 1985, pp. 103–135.
16. Prunch E. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Berlin, 2012 (Russ. ed.: Prunch E. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy*. Moscow, 2015. 512 p.).
17. Fefelov A.F. Sovremennoe rossiyskoe perevodovedenie: v poiskakh novoy suverennoy paradigmy [Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: Pro and Contra Roman Jakobson]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 48–72.
18. What We Mean by a "Good Translation". *Engineering Translation Company "Intent"*. Available at: <http://www.intent93.ru/quality/93/> (accessed: 14 December 2021) (in Russ.).
19. Lotman Ju. La struttura pensante. Lotman Ju. *Cercare la strada: Modelli della cultura*. Venice, 1994. 46 p.
20. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, 1992. 272 p.
21. Cassin B. V zashchitu neperevodimosti. Beseda s Mikaelem Ustinoff [Untranslatability and Globalization. The Interview with Michael Oustinoff]. *Logos*, 2011, no. 5-6, pp. 4–12.
22. Komissarov V.N. *Lingvistika perevoda* [The Linguistics of Translation]. Moscow, 2007. 167 p.
23. Shveytser A.D. *Perevod i lingvistika: O gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode* [Translation and Linguistics: On Newspaper and Military-Journalistic Translation]. Moscow, 1973. 280 p.
24. Shveytser A.D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems and Aspects]. Moscow, 1988. 215 p.

25. Mishkurov E.N. O “diskursivno-igrovom povorote” v sovremennoy teorii i metodologii perevoda [On the Discursive-Game Turn in the Modern Theory and Methodology of Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2021, no. 3, pp. 16–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V207

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University;
Leninskie gory 1, str. 51, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5879-3515> e-mail: e.mishkurov@mail.ru

Marina G. Novikova

The Russian State University of Justice;
ul. Novocheremushkinskaya 69, Moscow, 117418, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1221-8635> e-mail: Novikova_mg@mail.ru

TRANSLATABILITY–UNTRANSLATABILITY APORIA AS AN OBJECT OF DISCURSIVE-MANIPULATIVE GAMES IN MODERN THEORY AND METHODOLOGY OF TRANSLATION

Within the framework of the cognitive-hermeneutic approach to the implementation of modern theoretical and methodological translation strategies and tactics, this article suggests taking the heat off the centuries-old confrontation between adherents and antagonists of the theory of untranslatability. Once we realize that the translatability–untranslatability dichotomy, which consists in the lack of an equivalent to a linguocultural phenomenon in the recipient language, is of academic nature, we will be able to remove this antinomy by means of a two-pronged cooperative transposition of the source text (ST) into the target language (TL) at the discursive-communicative level. The concept of translatability is linked with the use of *regular translation equivalents*, i.e. *translation proper*, while untranslatability is overcome by using *quasi-translation* in the form of discursive-manipulative games. The latter are understood as a “free” communicative rendering of the ST content into the TL by means of translation manipulations, which are perceived as a positive phenomenon based on the cognitive-hermeneutic translation methodology. In the modern translational interpretation, translation is presented as an alternation and a combination of translation techniques proper and manipulative games to ensure adequate adaptation of the ST content by means of the TL, while taking into consideration the linguistic and extralinguistic features of the ST. The basis for overcoming untranslatability and verifying the adopted translation decisions is a transdisciplinary approach to the procedure for generating the target text, which is expropriated by the potential recipient, at the discursive-communicative level. Discursive-manipulative translation games should not distort the semantic and stylistic parameters of the ST, even in cases where “it is difficult or impossible to find a concept that would be close to that of the source culture”. The main task of these games is to turn translation from the art of failure into the art of concordance between the cultures of the language pair in contact.

Keywords: *translatability–untranslatability, translation proper, regular translation equivalents, quasi-translation, discursive-manipulative games, transdisciplinarity, translational discourse.*

Поступила 11.05.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 14.10.2022

Received 11 May 2022
Accepted 10 October 2022
Published 14 October 2022

For citation: Mishkurov E.N., Novikova M.G. Translatability–Untranslatability Aporia as an Object of Discursive-Manipulative Games in Modern Theory and Methodology of Translation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 60–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V207